

Александр Волконский

От Новаго Маргелана до границы Бухары

Александр Михайлович Волконский

От Нового Маргелана до границы Бухары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22808641

Аннотация

«Осенью прошлого, 1893, года, нашим правительством была отправлена в пределы бухарского ханства, под начальством генерального штаба генерал-майора Баева, таможенная экспедиция; она имела главным назначением изучить на месте условия перенесения существующей туркестанской таможенной линии на бухарско-афганскую границу. Экспедиция прошла по всей бухарской территории от восточных её пределов у Памирского плоскогорья до границы Закаспийской области на западе...»

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Волконский

От нового Маргелана до границы Бухары

Путевые заметки

Осенью прошлого, 1893, года, нашим правительством была отправлена в пределы бухарского ханства, под начальством генерального штаба генерал-майора Баева, таможенная экспедиция; она имела главным назначением изучить на месте условия перенесения существующей туркестанской таможенной линии на бухарско-афганскую границу. Экспедиция прошла по всей бухарской территории от восточных её пределов у Памирского плоскогорья до границы Закаспийской области на западе.

Я имел разрешение сопровождать экспедицию в качестве частного лица. Поспешность, с которой был пройден этот длинный путь, а главным образом, незнание восточных языков, помешали мне собрать достаточно подробные сведения о пройденных экспедицией странах; поэтому ряд статей, задуманных мною на основании дневника, веденного во время пути, не может претендовать на какое-либо научное значение, и полагаю, что только отдаленность посещенных местностей и малое знакомство с ними большинства публики да-

ют мне некоторое право предложить вниманию читателя результаты своих дорожных впечатлений. На этот раз я ограничусь описанием первых дней пути – в пределах Ферганской области.

I

5-го августа, в 9 часов утра, все участники экспедиции собрались в гостеприимном доме управляющего ферганским таможенным отделом. Был отслужен напутственный молебен, и через час, после веселого завтрака, на котором было произнесено не мало тостов с пожеланиями путникам счастливого странствования на дальней чужбине и радостного возвращения в родные пределы, – экспедиция выступила. Она снаряжалась в Маргелане, в пределах недавнего кокандского ханства, – где еще 20 лет назад каждый непрошенный гость-европеец рисковал покончить свои дни на виселице, среди злорадных криков базарной толпы, – и направлялась в малоизвестные донныне края мусульманского востока. Мысль о выступлении подобной экспедиции должна вызвать в представлении читателя, никогда не переступавшего европейской границы и не интересовавшегося нашей азиатской окраиной, картину довольно воинственного характера.

Такой читатель вероятно увидит в своем воображении пыльную городскую площадь, лежащее посреди неё стадо только-что навьюченных верблюдов, поднимаемое криками погонщиков и вытягивающееся длинной вереницей в простор степной дороги; увидит в необыкновенных походных одеждах горсть вооруженных с ног до головы храбрецов, отважно пускающихся в опасный путь, и отряд казаков, дол-

женствующих оберегать их от злобы фанатической толпы; а если читателю к тому же приходилось слышать рассказы иных из наших среднеазиатских исследователей, то он, конечно, будет ожидать, что величайшие из предстоящих экспедиции трудов и опасностей выпали непременно на долю самого автора и что стойкостью в лишениях, способностью импонировать диким племенам и вообще всякими доблестными качествами он превзошел и спутников, и всех своих предшественников. В действительности ничего подобного не было.

Мы разместились самым мирным образом в парных, с пристяжкой на отлете, извозчичьих колясках, которым могла бы позавидовать далекая столица, и направились по красивым улицам Нового-Маргелана, одного из тех юных туркестанских городов, которые, как бы по волшебному слову, выросли по воле русской власти среди пустынной степи, растянули на её просторе сеть своих прямых, как стрела, улиц-аллей и потонули в зелени своих быстрорастущих садов. Коляски неслышно катились по гладкому шоссе, и скоро высокие тополя по сторонам улицы, почти скрывавшие своими ветвями от глаз проезжого ряды нисеньких одноэтажных домов, сменились молодыми посадками, дававшими просвет на вновь строящиеся в конце города здания. Миновав крепость – так зовется в Маргелане кирпичная белая стена, охватывающая неправильным четырехугольником несколько казарменных строений, – мы переправились через

Маргелан-сай, воды которого дают жизнь городу, и выехали на простор.

Не весело смотрела эта южная окраина «роскошной» Ферганы: небольшие площади полей спеющей джугары¹, окаймленные кое-где рядами редко посаженных деревьев, чередовались то с пространствами желтой, почти голой, земли, то с полосами яркой зелени рисовых посевов, слегка оживляющих однообразный пейзаж. Это была обычная, в течение двух-недельного пребывания в крае, уже успевшая мне приглядеться, картина туркестанского оазиса на его пограничной с пустыней полосе, где каждая пядь культурной земли из поколения в поколение оспаривается человеком у пустыни в тяжелой, настойчивой борьбе, где каждая капля влаги на жаждущие поля проведена из далека его руками. Правда, напоенная им земля, как бы в благодарность, воздает ему сторицей за его неустанный труд; но стоит человеку хоть на один год оставить без защиты родные поля, и пустыня вновь овладеет ими: вода уже не дойдет до них, насаженные деревья засохнут, исчезнут, и жизнь покинет эти места. Голодная степь с её невозмутимым, ничем не нарушаемым однообразием гладкой, как стол, поверхности, с её молчаливым простором, включит их в свои широкия объятья, и заброшенный в этот безграничный простор путник не найдет в нем ни единого предмета, на котором бы ему остановить свой блуждающий взор, ни единого дерева, ни туманного очертания

---

¹ Род кукурузы.

холма на далеком горизонте, ни малейшего намека на жизнь. Только однажды в год оживает степь, когда ранние весенние дожди покрывают ее зеленым ковром, — но лишь на самое короткое время. Скоро солнце заставит поблекнуть траву, она пожелтеет, потом травы, потеряв всякий цвет, как бы поседеют, и степь, точно безграничная бледная нива овсяного поля, охватит в разгаре лета со всех сторон одинокого путника, сливаясь на едва уловимой черте горизонта с таким же бледным и бесцветным, как она, небом. Случается, что какой-нибудь арбакеш², пробираясь со своей арбой через степь, вздумает развести огонь; ветер быстро подхватит его, и тогда картина степи меняется: длинная лента яркого пламени, медленно, шаг за шагом, но беспрепятственно, двигаясь вперед дымящейся полосой, охватит десятки верст, испепелит жесткие сухие травы и оставит там, где прошла, черное обугленное пространство: удивленному путнику, впервые приближающемуся к нему, покажется, будто перед ним расстилается широкая пашня благодатного чернозема... Как ни безотраднo впечатление, производимое степью, поглотившей прежний оазис, путнику все же остается в утешение надежда, что когда-нибудь, — быть может, через полсотни лет, — человек во всеоружии знания вновь вступит с нею в борьбу, прорежет ее глубокими каналами, проведет по ним или силою пара перельет в пустыню мутные воды далекой Сыр-Дарьи, и жизнь возродится в новых полях с небывалою силой.

---

² Арбакеш — погонщик арб.

Но у покинутого человеком оазиса есть иной, более страшный враг, пред которым безвластны другие силы природы, и который никогда не вернет раз отвоеванной им территории: это сыпучий песок, насылаемый пустыней в оазис вслед уходящему человеку. Пески засыпают пересохшие арыки³; глинобитные стены домов и заборов опустевшего кишлака⁴, стволы погибших деревьев бесследно исчезают под ними, не удержав их наступления, послужив лишь основанием для высоких барханов⁵. Точно искусная рука насыпала эти барханы: так гладок их подветренный отлогий склон, такой правильной дугой загнуты его серповидные края. Но песок в пустыне неисчерпаем, и ветер, нанося песчинку за песчинкой, надвигает его волны все дальше и дальше; число дюн и барханов множится; они теряют свои геометрические формы, и наконец целое море песчаных холмов, точно застывшие волны бурного океана, покрывает пространство в десятки и сотни верст. Это море страшно. Оно залегает между населенных стран, делить народы и отдаляет время выполнения мирового закона их сближения. Проходит много веков прежде, чем всеильное побуждение торговли вынудит человека повести через пески караваны, заставит его вырыть среди них колодцы. Нужно эгоистическое чувство наживы,

---

³ Арык – оросительная канава.

⁴ Кишлак – селение.

⁵ Бархан – песчаные холмы, суб-аэральные образования, в отличие от дюн, результата действия воды и ветра.

чтобы человек рискнул в них войти.

Только один человек прошел чрез них, не желая никакой выгоды, не ожидая никакой награды: это был русский солдат за год до того, быть может, покинувший леса далекой Перми или бессарабские степи, чтобы вступить в ряды войск Кавказа, имя которого знал лишь смутно по наслышке. Его повезли по Каспийскому морю, о существовании которого он я не ведал, высадили на азиатском берегу среди голых, бесприветных песков и повели через эти пески туда, где его ждал неведомый ему, готовый биться на смерть враг. И он пошел: ноги вязли в горячем песке, солнце жгло, трескались иссохшие губы... Колодцы были засыпаны; он падал в изнеможении, подымался и шел дальше; куда? — он этого не знал. Он не знал, что, пройдя пески, найдет опять русскую землю; что за этим ближайшим врагом, в баснословном индийском царстве, есть другой, более сильный враг, значение которого дает оправдание и смысл его геройским трудам: он знал только, что его послало вперед царское слово. Это слово прошло через много уст прежде, чем дошло до него, разошлось между многими тысячами ему подобных солдат, но каждый уразумел его ясно, точно оно было сказано прямо ему: оно разожгло в нем бессознательно тлившееся чувство любви к родным заветам и стране; перед этим пламенем казались ему бессильны жгучие лучи солнца, раскалявшие песок; этой царской волей билось сердце под белой рубахой; может ли он исполнить ее? — об этом нет ни минуты разду-

мья, — и он идет вперед, бесповоротно, бесстрашно, со всей неудержимой силой, не ведающей себе преграды всепобедной, стихийной мощи. . .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.